

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.75

А.Л. Висленко

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: ОБОСНОВАНИЕ БУДУЩЕГО ИЛИ ОПРАВДАНИЕ НАСТОЯЩЕГО

В статье рассматривается обоснование сущности, возникновения и эволюции национальной идеи как вероятной картины будущего для социума как информационного процесса в кризисной ситуации. Анализ выполнен на примерах из истории европейских государств и России. Раскрывается смысл понятия национальной идеи и её соотношение и взаимосвязь с национальной идеологией. Показано, что формулировка национальной идеи в явной форме возможна только на основе действующей и актуальной национальной идеологии, что объясняет безуспешность нынешних попыток российских идеологов.

Ключевые слова: идеология, информация, философия, социум, кризис, коллективное сознание.

Тема национальной идеи постоянно всплывает в различных научных, публицистических или просто популярных статьях, в выступлениях и интервью и т.д. Обычно проблема связывается с двумя вопросами: нужна ли она и откуда её взять? Мало кто задаётся вопросом, а что же это вообще такое, о чём такие горячие споры? А именно в сущности объекта спора и кроются, на наш взгляд, ответы на все эти и многие другие вопросы по этой болезненной и актуальной теме.

Мы предлагаем взглянуть на проблему с современных информационных позиций.

В разработанном нами концепте коллективного сознания в культуре идеологическая составляющая является ключевым звеном при возникновении новой культуры. Эта функция реализуется через создание огромного количества информации, источником которой является исходная идеология, или, в частном случае, религия. Именно базовая идеология определяет направление развития всех социокультурных подсистем: науки и техники, экономики, социальной и политической организации общества и т.д. Информация, заключённая в социокультурной идеологеме, транслируется в эти подсистемы, где начинают генерировать собственные потоки информации, обусловливающие и сопровождающие их развитие.

Уровень этой информационной активности является универсальным исчислимым параметром, который характеризует степень развития любой социокультурной системы. Идеологические особенности каждой системы уникальны и по-своему отражаются в каждой подсистеме. Так, советская наука и система образования в целом были более ориентированы на изучение естественных наук в силу идеологической ориентации на материализм. Экономика тоже строилась на основании вполне определённых идеологических принципов и т.д.

Однако конкретная идеология имеет значение только в период зарождения и далее во время развития новой социокультурной системы вплоть до достижения максимума информационной активности. После этого этапа происходит переход в иное состояние, когда система продолжает существовать с постоянно снижающейся интенсивностью создания новой информации. Идеологическая подсистема, которая является первичной относительно всех остальных, также первой из них завершает своё развитие и переходит в квазистабильное состояние.

Возникновение новой социокультурной системы и её культуры начинается с идеи, которая через своих сторонников демонстрирует и доказывает способность к генерации такого количества информации, которого хватает для запуска этого процесса. После создания новой системы в её структуре возникают все обычные подсистемы, включая идеологическую. На этом этапе идея из метафизического состояния трансформируется во вполне материальную идеологию, изложенную в книгах, фильмах и других носителях информации. Это даёт возможность создавать и распространять огромное по сравнению с предыдущими временами количество информации о том, какова «истинная» новая картина мира и как людям следует жить в нём, что обеспечивает ускоренный рост новой социокультурной системы.

К моменту достижения максимума развития информационных возможностей системы на основе новой идеологии развития создаётся специфический социальный институт, задачей которого становится охрана победившей идеологемы с целью сохранения достигнутого. Эту социальную функцию реализуют церковь или в наши дни политические организации. Поскольку информационный потенциал господствующей идеологии, т.е. возможность создания новой информации, исчерпан, то их деятельность связана исключительно с интерпретацией текущих событий в соответствии с данными идеологическими установками. В терминах Л.Н. Гумилёва, этот период в эволюции социокультурных систем называется *акматическим*. В этом состоянии возможны локальные всплески информационной активности, причиной которых могут быть некоторые значимые события, например, в области науки и техники, политики или экономики. Однако они не оказывают влияния на идеологическую основу системы, и потому общий тренд на снижение уровня информационной деятельности населения в целом сохраняется. Постепенно информационная активность социума снижается вплоть до нижнего порога устойчивости. Это означает, что система приближается к критическому состоянию и готова к новому фазовому переходу, для которого вновь требуется плодотворная идея.

Идея, бывшая после своего появления живым развивающимся концептом и давшая начало новой культуре и её социокультурной системе, вначале консервируется, затем постепенно превращается в догму, уже не подлежащую ни изменению, ни толкованию, и, наконец, становится ничего не значащим мифом, одним из свидетельств достижений прошлых лет. Именно это произошло в Средние века с католическим христианством, бывшим основой для возникновения западноевропейских культур, затем превратившимся в схоластическую догму, а сегодня вообще лишившимся какого-либо практического влияния даже в прежде религиозных странах Европы. Так случилось

и с коммунистической идеей, которая в 20–50-е гг. прошлого века захватила полмира, а уже к 90-м превратилась в одно из маргинальных политических течений левацкого толка.

Таким образом, появление в обществе запроса на поиск новой идеологии, или, в отечественной интерпретации, национальной идеи, означает, в итоге, что это общество находится в состоянии кризиса и близко к своему возможному распаду. Коллективное сознание такого социума ищет возможности для перехода в качественно новое состояние – состояние роста, для запуска которого и необходима новая идеология. Поэтому в обществе идёт напряжённая работа по поиску или созданию такой идеи, которая обладала бы достаточным информационным потенциалом для построения новой культуры. Но эта новая культура в своих основных идеологических положениях должна поддерживать историческую преемственность нации. Если же такой поиск по каким-либо причинам не проводится или заканчивается безрезультатно, то это общество распадается окончательно и необратимо.

Традиционной областью идеологического поиска в рамках европейской культурной парадигмы являются философия и литература. Поэтому моральную ответственность за результат несут культурные элиты общества, его наиболее образованная и творческая часть – мыслители, писатели, драматурги, учёные и т.д. При этом они обязаны понимать, что в результате социокультурных преобразований могут потерять свой статус точно так же, как наверняка его потеряют элиты властные.

Однако было бы неверно ассоциировать национальную идею непосредственно с метафизической картиной мироустройства или с идеологией/религией. Попробуем разобраться в их соотношениях и взаимосвязях, исходя из конкретных примеров.

История возникновения вопроса в большинстве случаев относится к довольно далёким временам, от которых, к сожалению, осталось не так много документальных свидетельств и достоверных фактов. Но для иллюстрации приведённых рассуждений можно обратиться к гораздо более близкому времени – началу XIX в., когда формировались европейские нации.

Общим для всех форм существования испанской нации, начиная с объединения королевства в конце XV в., было понятие чести, выражавшееся в единстве религии, монархии и благородства. Этой *морали чести* постоянно соответствовали и два принципа организации системы власти: иерархия и органическое единство [1]. Основные принципы этой морали были актуальны в Испании до самого недавнего времени и, возможно, в адаптированном виде продолжают действовать и поныне.

Не удивительно, что для испанской философии характерна ориентация не на схему мира, а на конкретного человека, на личность, которая строит свою жизнь в реальном многообразии жизненных ситуаций и обстоятельств. Рамиро де Маэстру, отмечая религиозность испанского человека, писал: «...испанец верит в абсолютные ценности или перестает верить совершенно. Для него поставлена дилемма Достоевского: или абсолютные ценности, или ничто» [2. Р. 101]. Мигель де Унамуно рассматривал философию своего народа как выражение трагической борьбы «между миром, как он есть, как он представлен нам разумом науки, и миром, каким мы хотим, чтобы он был, миром, со-

ответствующим тому, что говорит о нем наша вера, наша религия. В этой философии и кроется причина того, что мы в принципе несводимы к Культуре, то есть не подчиняемся ей» [3. С. 293]. Очередной социальный и политический кризис в Испании на рубеже XIX–XX вв., связанный с потерей последних колоний, ростом анархического и региональных движений в Басконии и Каталонии, еще выше поднял философско-интеллектуальное напряжение в стране. Обострились идеологические столкновения вокруг образа «двух Испаний» (по выражению А. Мачадо) – религиозно-консервативной и модернизационно-демократической, закончившиеся гражданской войной 1936–1939 гг.

«Жить – это действовать для англичан, мыслить – для французов, чувствовать – для испанцев» [1. С. 19]. Именно эти черты духовной жизни испанского народа привели М. де Унамуно к идеи о необходимости «испанизировать Европу», т.е. избавить ее от рациональности разума и научить чувствовать жизнь. Противоположную позицию занимал Х. Ортега-и-Гассет, который призывал «европеизировать Испанию», для чего «испанцы должны влиться в мировую культуру» («Испания как возможность»). Так, М. де Унамуно он пишет: «Вырвать с корнем веру в гения – чистую случайность – и взрастить талант – вот что было бы настоящим благодеянием и для Испании, витающей в облаках, и для России» [4].

Следствием такого развития философской мысли в Испании стала формулировка национальной испанской идеи *hispanidad* (Менедес-и-Пилайо): «защитить Европу от наступления ислама, евангелизировать языческие народы, побороть лютеранство», которую коротко можно описать как идею национал-католицизма. В краткой форме она выражалась слоганом: «служение, иерархия, братство», широко распространённым во времена правления Франко.

Объёмную характеристику германской национальной идеи, на которой была построена вся национальная государственная и социальная модель, дал Николай Бердяев [5]. В работе, написанной в 1916 г., были показаны главные идеи, положенные в основу всего тогдашнего здания германской государственности, и последствия их реализации («от Канта идет прямая линия к Круппу»). Здесь же показаны основные принципы немецкого сознания, организующие социальную модель поведения: вера в свою волю, в свою мысль, в добровольно поставленный категорический императив, в свою духовную и материальную организаторскую миссию в мире.

Эти принципы связывают между собой «Германию великих мыслителей, мистиков, поэтов, музыкантов и Германию материалистическую, милитаристическую, индустриалистическую, империалистическую».

Понятно, что социальная модель государства, построенного на такой идеологии, включает в себя непомерные притязания, которые переживаются немцем как долг, выполняемый с моральным пафосом. «<Немец> колет глаза всему миру своим чувством долга и своим умением его исполнять. Другие народы немец никогда не ощущает братски, как равные перед Богом, с принятием их в души... Отсюда – органическое культуртргерерство немцев. В государстве и в философии порядок и организация могут идти лишь от немцев».

Коллективное сознание такого типа – организованное и дисциплинированное – влечет за собой возникновение состояния, которое Н. Бердяев определяет как «трагедию избыточной воли, слишком притязательной, слишком напря-

женной, ничего не признающей вне себя, слишком исключительно мужественной, трагедию внутренней безбрачности германского духа. Это трагедия, противоположная трагедии русской души. Германский народ – замечательный народ, могущественный народ, но народ, лишенный всякого обаяния».

Примечательно, что в разработке философии германской идеи принимали участие мыслители, разные по своим идейным позициям. Германская национальная идеология складывалась как система либеральных идей, но с самого начала она приобрела особый оттенок – в нее был включен образ врага (поначалу вполне традиционный – Франция). Второй важнейшей идеологемой стало понятие «*Kulturnation*», введенное историком Ф. Майнеке в первой половине XIX в. и обозначавшее «нацию, объединенную общей культурной традицией».

Синтез этих представлений в государственную идеологию, осуществленный Бисмарком, привел, в конце концов, к невиданной ранее мобилизации человеческих сил и материальных ресурсов, которых хватило затем на две мировые войны.

Образование Германской империи (1871 г.) и правление Вильгельма II (1888 г.) означали переход к «мировой политике», поэтому идея превосходства немецкой культуры закономерно трансформировалась в идею «германского экспансионаизма», выразившуюся в стремлении к рациональному устройству окружающих, в первую очередь европейских, территорий в соответствии с германским представлением о порядке и культуре. Ключевая идея экспансионистов (П. Рорбах, Э. Ревентлов, Т. Шиман) взята из «Германской песни» Х. Хофмана фон Фаллерслебена (1841 г.) «Deutschland über alles» («Германия превыше всего»), именно в таком виде она была быстро воспринята и крепко усвоена массами. Даже распад германской государственности и разделение нации не смогли полностью разрушить этот культурный норматив. Именно поэтому, по мнению Т. Адорно, после окончания Второй мировой «не было той паники, которая, согласно фрейдовской теории, сопровождает распад коллективной идентичности» [6. С. 40–41]. Пострадавший «коллективный нацизм» немецкой нации дождался новой реализации сначала в экономическом подъеме 50–60-х, а затем в деятельности Евросоюза. Нынешнее коллективное ощущение немцев коротко можно выразить формулой «какие мы молодцы».

Не случайно, видимо, третья строфа из запрещенной после окончания Второй мировой войны «Германской песни», начинающаяся словами «Согласие, правда и свобода», в 1952 г. была объявлена гимном ФРГ.

Доктрина национал-социализма, без сомнения, стала кульмиационной точкой длительного процесса развития идей, в котором участвовали мыслители, известные и в Германии, и далеко за ее пределами. Но они отнюдь не были одиночками на этом пути: Т. Карлейль и Х. С. Чемберлен, О. Конт и Ж. Сорель не уступают в этом отношении ни одному из немцев. Социализм в Германии был с самого начала тесно связан с национализмом. Характерно, что наиболее значительные предшественники национал-социализма – Фихте, Родбертус и Лассаль – являются в то же время признанными отцами социализма.

Актуальность идей экспансионаизма как для Германии XIX в., так и современной ФРГ несомненна. Внутренняя неуверенность, постоянное насаж-

дение культа вины, в том числе и извне, отсутствие как подлинного единства и духа великого народа, так и понимания своей роли в мире и видения своего пути – все эти проблемы столетней давности, усугубленные перипетиями XX в., вновь стоят перед Германией. Особенно это стало заметно в наши дни, когда германский экспанссионизм вновь проявился, на этот раз в форме совместного с Францией экономического ограбления соратников по Евросоюзу.

Начиная с 60-х гг. XVIII в. и до 20-х гг. XX в. содержанием польской национальной идеи было национальное освобождение и возрождение нации. Это связано не только со спецификой геополитического положения страны в Европе, которое польский драматург С. Мрожек определял как «положение на восток от Запада и на запад от Востока». Второй важной составляющей стала чрезмерная амбициозность польской знати, считающаяся издавна и поныне обязательным и отличительным компонентом польского национального характера.

Особым качеством польской национальной идеологии стало её создание и распространение в виде произведений искусства эпохи романтизма. Хорошо известна мазурка Я.Х. Домбровского, бывшего главным создателем польских легионов времен разделов Польши на рубеже XVIII–XIX вв., первые строфы польского гимна – «Пока мы живы, Польша не погибла» («*Jeszcze Polska nie zginela, poki my żyjemy*»), романтическая поэзия А. Мицкевича и Ю. Словацкого, проза Г. Сенкевича и др.

Освободительное содержание национальной идеи утратило свою актуальность после восстановления независимости в 1918 г. и сменилось концепцией под лозунгом «Бог–честь–отчизна». В итоге повторились все ошибки независимой Польши XVI в.

Польша вновь стала реализовывать политику экспансиионизма в виде насильственной полонизации и иного притеснения украинского, белорусского и германского населения. Элита и руководство страны опять переоценили экономические, геополитические и военные возможности страны, и очередное поглощение Польши соседними государствами было столь же быстрым, сколь и закономерным. В начале 80-х гг. начался следующий этап верификации польской национальной идеи, связанный с деятельностью профсоюза Солидарность, основой которого стала утопичная идея Свободной и Самоуправляющейся Речи Посполитой, соответствовавшая представлениям лидера Солидарности Л. Валенсы. Но распад соцлагеря и Варшавского договора привел к радикальной смене власти и такой же смене национальных ориентиров: в конце 80-х гг. ключевой стала концепция «возвращения в Европу» как возможности присоединиться к «справедливому и процветающему сообществу европейских стран», автором которой был глава первого правительства реформаторов проф. Т. Мазовецкий.

Реализация этой задачи в 2004 г. вновь внесла коррективы в польскую национальную идею. Теперь на первый план выдвинулась необходимость, с точки зрения польского общества, постоянно доказывать собственную значимость в общеевропейских делах, а не только быть проводником решений Евросоюза в восточноевропейском регионе. Здесь же и желание оказывать влияние на формирование современной Европы исходя из собственного исторического и культурного опыта времён расцвета Речи Посполитой (XVI –

начало XVII в.). Характерно в этом отношении высказывание писателя К. Ижиковского, который утверждал, что «каждое новое поколение имеет право на беспощадный пересмотр патриотических ценностей: таким способом возрождается патриотизм» [7].

Таким образом, не имея явной формы выражения в виде лозунга, новая польская национальная идеология по-прежнему включает в себя представления о свободе и чести нации, причём вновь с преувеличенными амбициями и исторически преемственными претензиями на роль лидера в Восточной Европе.

Источники происхождения и историческую эволюцию российской национальной идеи можно проследить по литературным первоисточникам за период примерно 1000 лет. Так, в исследовании А.А. Горского [8] с помощью анализа частоты упоминания патриотических формул в литературных источниках древности показано, как под воздействием текущих социокультурных процессов и исторических условий происходит генерация и запечатление в коллективной памяти русского народа национальных идеологических доминант.

В домонгольский период главным общерусским лозунгом была идея защиты отечества – «Русской земли», зародившаяся ещё в дохристианскую эпоху, когда формировались русская национальная идентичность и представление о её собственной территории – Русской земле. В то время для русских людей и их мировоззрения ещё не имело значения различие в вероисповедании – языческое или христианское. В Повести временных лет, где рассказывается о войне 971 г. истового язычника и противника христианства Святослава с Византией, сказано «да не посрамимъ землъ Русскиѣ, но ляжемъ kostьми, мёртвыи бо срама не имамъ». Второй по значению общерусской идеей стала верность своему князю и защита *княжеской чести*.

Нашествие Батыя уничтожило русскую государственность, раздробив страну и нацию на отдельные города, почти не связанные между собой культурно и политически. Это привело к утрате и общерусской национальной идеологии, место которой заняла региональная формула – *за храм*, выступавший как символ города. Неудивительно, что в первоисточниках целого столетия после монгольского нашествия выражение *За Русскую землю* встречается всего однажды.

Возрождение единого коллективного сознания русского народа началось в конце XIV в. с объединения северо-восточных земель вокруг Московского княжества при правлении Дмитрия Донского. Именно тогда сформировалась новая идея, которая зафиксировала то, что объединяет всех русских людей, – православная христианская религия. Отсюда лозунги религиозного содержания, встречающиеся в 35 случаях употребления патриотических формул из 55 в произведениях конца XIV и XV в., – *за веру христианскую, за святые церкви, за христиан* [4. С. 68]. Причём следует говорить именно о возрождении прежней национальной идентичности, а не об образовании новой, поскольку предыдущие идеи защиты *Русской земли и княжеской чести*, сохранившиеся в коллективной культурной памяти, также оказались востребованы, что отразилось и в русской литературе того времени.

Так в результате целого ряда исторических событий и социокультурных процессов в течение нескольких веков формировались идеологические принципы, которые составили основание для всей дальнейшей истории нации.

Коротко их можно интерпретировать как идеологию, утверждающую единство власти, религии (пусть даже в виде политической идеологии) и народа в защите своей родной земли: *За веру, царя и отчество*. В разные исторические периоды русской национальной идеологии отвечали свои специфические лозунги, например: *православие, самодержавие, народность* или *народ и партия – едины*, возникавшие как ответ на очередной кризис системы и идентичности.

Отсюда и особенность российской национальной идеи, которая всегда состояла в еёластном происхождении. Властьные элиты сознательно пытались контролировать создание новой идеологии с сохранением традиционных положений о единстве власти и народа с целью сохранения своего статуса. Другое дело, что каждый раз их надежды не оправдывались.

Аналогичные примеры создания национальной идеологии со своей спецификой происхождения и акцента можно привести из истории других стран – США, Великобритании, Франции и т.д. Однако для первых выводов материала вполне достаточно.

Итак, понятие *национальная идея* описывает вполне реальный культурный объект, который содержит несколько семантических планов. Первый – это национальный философско-литературный дискурс, созданный с целью формирования идеологии, содержащей картину мира одного из возможных будущих своего социокультурного сообщества. Второй – простой лозунг/девиз/слоган, направленный на быстрое и прочное усвоение этой идеологии широкими массами. Именно это упрощённое, бытовое толкование национальной идеологии воспринимается в обыденности как *национальная идея*. Иначе говоря, национальная идея суть обыденная, даже бытовая, минимизированная и упрощённая версия идеологии национальной элиты, формирующая картину мира для пассивных масс.

Очевидно, что если второй план является упрощённой интерпретацией первого, то он не может существовать без последнего. Теперь понятно, почему бесперспективны многочисленные современные попытки *сочинить* или *придумать* национальную идею до тех пор, пока не будет построена обоснованная философско-литературная доктрина будущей новой картины мира для российского общества.

Социальное время появления в обществе заказа на новую идеологию – это время нестабильности и кризиса социокультурной системы. Поэтому напряжённость идеологических поисков нарастает по мере приближения к кризису и в зависимости от результатов этих поисков разрешается либо переходом в новое состояние с дальнейшим ростом, либо необратимым разрушением системы. Автором всего возможного спектра идей здесь выступает национальная творческая элита, а действующим фактором, выбирающим и направляющим развитие социума в том или ином направлении, может быть даже отдельный индивидуум, сознательно выбирающий и действующий в соответствии с выбранной идеей. Согласно теории информации действительно возможны такие ситуации, когда слабый по силе информационный фактор оказывает решающее воздействие на эволюцию сложных неравновесных систем, намного превосходящих его по размерам и сложности строения, но находящихся в состоянии неустойчивости. Но это уже отдельная тема, лежащая вне пределов данной работы.

Литература

1. С. де Мадариага. Англичане, французы, испанцы. СПб.: Наука, 2003. 244 с.
2. Maeztu R. de. Defensa de Hispanidad. Md., 1938.
3. Унамуну М. де. О трагическом чувстве жизни. Киев, 1996.
4. Орtega-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1974.
5. Бердяев Н.А. Судьба России. М. : Сов. писатель, 1990. 351 с.
6. Адорно Т. Что такое коллективная память? // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
7. Язхборовская И.С. К проблеме национальной идеи в Польше // Полития. 2005. № 2. С. 39–55.
8. Горский А.А. Личности и ментальность русского средневековья. М. : Языки славянской культуры, 2001. 176 с.

Vislenko Andrey L. Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation).
E-mail: visandrey@yandex.ru

NATIONAL IDEA: A SUBSTANTIATION OF THE FUTURE OR THE JUSTIFICATION OF THE PRESENT

Key words: ideology, information, philosophy, society, crisis.

Article is devoted to a problem of national idea as to a philosophical category. Its essence, the reasons of occurrence and evolution are considered from the point of view of creation of the most probable picture of the future for a society. It is shown on the basis of examples of formation and evolution of national idea in Spain, Germany and Poland the condition of social crisis, that more widely, all national socialculture systems the inevitable requirement of development and consideration in a society of various variants of an output from it and gives rise to definitions of the most effective at present directions. The ideological substantiation of a final choice acts further as national idea which indispensable condition is socialculture continuity.

Social time of appearance in society order a new ideology - a time of instability and crisis, socio-cultural system. Therefore, the ideological tensions searches increases as we approach the crisis and depending on the results of these searches are permitted or transition to a new state with the further growth or irreversible destruction of the system. The author of the entire possible spectrum of ideas here is a national creative elite, and the factors that selects and directs the development of society in one direction or another, maybe even a single individual, consciously choosing and acting in accordance with the selected idea. According to information theory really can be situations when a weak strength information factor has a major impact on the evolution of complex nonequilibrium systems, far superior to its size and complexity of the structure, but in a state of instability. But this is a separate issue that lies outside of this work.

References

1. Madariaga S. de. *Anglichane, frantsuzы, испанцы* [The British, French, Spanish]. Translated from English by A.V. Govorunov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. 244 p.
2. Maeztu R. de. *Defensa de Hispanidad*. Md., 1938.
3. Unamuno M. de. *O tragiceskom chuvstve zhizni* [On the tragic sense of life]. Translated from Spanish by E.V. Garadzha. Kiev: Simvol Publ., 1996. 416 p.
4. Ortega-i-Gasset J. *Etyudy ob Ispanii* [Perceptions of Spain]. Translated from Spanish by A. Matveev i I. Petrovskiy. Kiev: Novyy krug-Por-Royal' Publ., 1974. 320 p.
5. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. 351 p.
6. Adorno T. Chto takoe kollektivnaya pamyat? [What is the collective memory?]. Translated from German by M.G. *Neprikosnovenny zapas*, 2005, no. 2–3.
7. Yazhborovskaya I.S. On the problem of national idea in Poland. *Politiya*, 2005, no. 2, pp. 39–55. (In Russian).
8. Gorskiy A.A. *Lichnosti i mental'nost' russkogo srednevekov'ya* [Personality and mentality of the Russian Middle Ages]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 176 p.